

Ночью дворец был погружен в тишину. Не то что стрекот насекомых и пение птиц, даже звуки шагов были слышны издали из-за громкого эха.

Однако землю покрывал едва выпавший белый снег. Тусклый свет свечей благодаря ему освещал площадь гораздо большую, чем обычно. Черные сатиновые ботинки на многослойной подошве ступали бесшумно, а холодный ветер порой доносил до ушей императора слова.

— Судьба у наследного принца тяжелая. Слышал, он был рожден отравленным внутриутробным ядом, но все-таки выжил...

— Это еще что! Ты не слышал? Когда его назначили наследным принцем, его родная мать умерла...

— Родная мать?

— Наложница Цзи!

— Ах, даже его мать умерла... Неужели Его Величество на этот раз действительно хочет сместить наследного принца?

— Не просто так же все вокруг говорят, что эти небесные знамения связаны с наследным принцем?

— Тсс...

— Чего бояться? Об этом повсюду судачат. Не мы одни это сказали - все так говорят. Если подумать, драгоценное здоровье Его Величества подорвано - не связано ли это с наследным принцем? Своей тяжелой судьбой сначала мать погубил, а теперь...

Услышав эти слова, сопровождавший императора молодой евнух изменился в лице и выступил вперед, чтобы остановить смутьянов.

Но стоило ему сделать несколько шагов, как кто-то схватил его за руку!

Молодой евнух обернулся и увидел, что это был император.

Более того, император так грозно посмотрел на евнуха, что тот не смог издать ни звука.

Перепуганный евнух понятия не имел, что происходит в голове императора. Он вырос во дворце и знал, что не должен был слышать подобные слова. А если услышал, то следовало сделать вид, что ничего не помнит.

В другое время, если бы этих болтунов поймали, то забили бы палками до смерти.

Однако император не произнес ни слова, молча слушая их разговор.

Лишь когда те сменили тему, развернулся и зашагал обратно, не удосужившись даже наказать виновных.

Евнух засеменял следом. Шаг императора был на удивление бодр - не как у прикованного к

постели больного.

— Ваше Величество... – не поспевая за ним, позвал молодой евнух.

Император, казалось, не слышал его и продолжал идти все быстрее и быстрее.

Он не остановился, пока не достиг ступеней Дворца Небесной Чистоты.

На ступенях, глядя на него издалека, стоял человек.

Стоило императору увидеть его, как взгляд его смягчился. В нем проступила нежность, которую он никогда не проявлял даже в присутствии своей родной матери.

Он сделал несколько шагов вверх. Напуганный, молодой евнух бросился за ним, опасаясь, что император оступится и упадет, однако руки подать так и не решился.

К счастью, подъем прошел гладко. Приветствующий их у входа во дворец человек протянул руки и подхватил императора под локти.

— Почему Ваше Величество вышел гулять в столь поздний час, да еще и так легко одевшись? Что, если Вам станет хуже? – лицо ее было хмурым. Говорила она с императором довольно бесцеремонно, но тому было все равно. Он неуверенно и доверчиво улыбнулся:

— Сестрица Вань, ты должна сегодня спать с нами. Без тебя мы уснуть не можем, – сорокалетний мужчина говорил как избалованный ребенок. А из уст императора слова эти звучали еще ужаснее.

Но собеседница его, похоже, привыкла слышать подобные речи. Нисколько не смягчившись ни в лице, ни в голосе, она по-прежнему твердо ответила:

— У Вашего Величества столько красавиц в гареме. Если пожелаете, с Вами каждую ночь новая проводить будет. Зачем Вам нужна старуха, вроде меня?

— Сестрица Вань вовсе не старая, – вновь улыбнулся император. – Нам кажется, сестрица Вань никогда не состарится.

Так, держась за руки и прижавшись друг к другу, они вошли в заднюю спальню Дворца Небесной Чистоты.

Молодой евнух украдкой вытер со лба пот, с необъяснимым трепетом глядя вслед державшей императора за руку высокой женщине.

Женщина эта была некрасива, а при общении с императором, в отличие от других наложниц, вела себя несдержанно, нисколько не заботясь о том, чтобы сохранить его расположение. Она смеялась, если хотела смеяться, и злилась, если ей было то угодно. Даже закатывала громкие истерики, отказываясь показываться перед императором.

Однако тот все сносил. В гареме рождались все новые принцы и принцессы, но ни одна женщина не могла заменить ее.

Несмотря на то, что нынешняя вдовствующая императрица не позволила этой женщине стать императрицей из-за того, что та была старше ее на целый год, статус ее был намного выше, чем у любой императрицы. Таково было настойчивое желание императора, так что никто ни во внутреннем Дворе, ни во внешнем не мог изменить этого факта.

Даже лишенная молодости и красоты, она была единственной хозяйкой сердца императора.

Грудь молодого евнуха, только что ставшего свидетелем того, как император спокойно выслушал те смутянские речи и никак на них не отреагировал, сдавило тревожное предчувствие. Он подумал: “Неужели на этот раз наследного принца действительно свергнут?”

Большинство людей и понятия не имели, что произошло во дворце той ночью, что услышал император и какие мысли в связи с этим возникли в его голове.

Декабрь двадцать второго года правления императора Чэнхуа подходил к концу. Месяцу этому, а вместе с ним и году, было суждено стать ой каким непростым.

Какой бы напряженной ни была ситуация, жизнь шла своим чередом.

Сменится наследный принц или нет, для простых людей не имело никакого значения, впрочем, как и для большинства чиновников.

Пэн Ичунь был повышен до главы Министерства Наказаний, а по традиции, даже самые сдержанные и не любящие шумных празднеств чиновники должны были проставиться в честь повышения и угостить своих коллег и подчиненных ужином, ведь те трудились под их началом и виделись на рабочем месте каждый день – с этим было ничего не поделать.

Ужин проходил в ресторане Сянкэ, и Тан Фань тоже был приглашен. Пэн Ичунь позвал его не только потому, что Тан Фань сейчас представлял Министерство Наказаний в Кабинете Министров, но и потому, что без рекомендации Тан Фаня Пэн Ичунь не смог бы получить эту должность. Несмотря на огромный опыт работы в Министерстве Наказаний, на него всегда кто-то давил. Сначала Лян Вэньхуа, а затем другие. Тан Фань мог бы и сам возглавлять Министерство. Если бы он добровольно не отказался от власти, должность министра наказаний Пэн Ичуню бы не досталась.

Пэн Ичунь был очень благодарен Тан Фаню и желал отплатить ему за доброту. Он даже образ жизни и отношение к работе сменил, изо всех сил стараясь не отставать от Тан Фаня.

Низы следуют примеру верхов. Глава Министерства состоял в прекрасных отношениях с министром из Кабинета, им не приходилось тратить время и силы на бесконечные пререкания и светские формальности, так что работать оба стали в разы продуктивнее.

Среди прочих министров Кабинета и глав Шести Министерств Тан Фань с Пэн Ичуном были самой дружной парочкой.

В Министерстве Наказаний служило много народу, но на этот раз на ужин пригласили лишь чиновников шестого ранга и выше. Заняли они все вместе два стола.

Пэн Ичунь специально заказал в ресторане Сянкэ отдельную комнату, в которую бы все влезли.

После окончания рабочего дня чиновники низших рангов Министерства Наказаний условились прибыть на ужин заранее.

В официальных кругах существовало неписаное правило: чем выше был у чиновника ранг, тем позже он приходил. Высокопоставленные чиновники Министерства, вроде министра и его помощников, еще не прибыли, а старшие чиновники и их заместители уже заняли свои места за столом.

Тан Фань опаздывал не нарочно. Он просто все еще был на заседании Кабинета Министров.

Прибывшим заранее делать было нечего, поэтому они просто болтали, и вот разговор ненароком зашел о Тан Фане.

Будучи самым молодым членом Кабинета Министров, Тан Фань был объектом зависти многих.

Да даже не будь он министром Кабинета – среди чиновников третьего ранга моложе его было не найти.

Многие из присутствующих уже сталкивались с Тан Фанем в Министерстве Наказаний. В то время никто из них и подумать не мог, что скромный глава отдела пятого ранга за несколько лет поднимется до таких высот. Сравнивая себя с ним, они неизбежно испытывали сложную гамму чувств, начиная от восхищения и заканчивая недовольством.

В самом начале, когда Тан Фань нанес оскорбление Лян Вэньхуа, все думали, что карьера чиновника у него на этом и закончится. В лучшем случае назначат на мелкую должность в какую-нибудь провинцию, а в столицу без большого везения путь ему заказан. И в результате он вдруг попал в столичный Цензорат, а затем и вовсе стал их начальником. Им оставалось лишь смотреть на него снизу вверх жадными глазами, ведь большинству и за всю жизнь высот Тан Фаня было не достичь.

Все говорили, что чиновником быть трудно, а удержаться в Кабинете Министров еще сложнее, но, если бы представилась возможность выбора, любой предпочел бы побороться за место в Кабинете.

— Цзюньци, не говорил ли старейшина Тан ничего о небесных знамениях? – услышал Хэ Сюань, едва усевшись за стол.

Поскольку Хэ Сюань был младшим братом зятя Тан Фаня, когда он только вошел в Министерство Наказаний, многие ему завидовали. Однако вскоре стало известно о том, что госпожа Тан развелась с братом Хэ Сюаня, и все тотчас изменили свое мнение, решив, что раз семья Хэ не смогла сохранить таких родственников, то они слепцы, не способные разглядеть жемчуг. Многие даже смеялись над сестрой Тан Фаня, мол, насколько же та была строптивой, раз брат Хэ Сюаня не смог ее больше терпеть и захотел развестись.

После этого Тан Фаню вновь пришлось столкнуться с рядом трудностей, и все, наоборот, решили, что семья Хэ была весьма дальновидной: поняв, что путь Тан Фаню предстоит

трудный, они заранее разорвали с ним отношения, чтобы тот не потянул их за собой.

И вот, внезапно, Тан Фань вдруг вошел в Кабинет. Все произошло так быстро, что никто даже отреагировать не успел.

Некоторые решили, что семьи Тан и Хэ теперь враждуют, так что, специально старались подгадать время, когда Тан Фань будет в Министерстве Наказаний, чтобы прилюдно высмеять Хэ Сюаня и выслужиться перед старейшиной Таном, но Тан Фань не оценил их порывов и на людях вел себя с Хэ Сюанем очень тепло, расспрашивая о том, как тому работает в Министерстве Наказаний – члены враждующих семей так себя не вели.

Не в силах разобраться, что к чему, все поняли одну простую истину: “Не хлопай лошадь по крупу, а то можешь сам не заметить, как случайно хлопнешь ее по ноге”. Старейшина Тан был явно не из тех людей, кто пользуется своим положением ради мести или смешивает личные обиды с работой. Любая попытка угодить или бросить вызов Тан Фаню через Хэ Сюаня была обречена на провал.

Недавно из-за частых небесных знамений Тан Фань с Лю Цзянем публично поругались с Вань Туном в Кабинете Министров. Об этом уже поползли слухи, а Лю Цзи, разорвавший совместное прошение, стал всеобщим объектом насмешек. Даже если это громкое дело и не имело к ним прямого отношения, свержение наследного принца было все же неразрывно связано с благополучием всего общества. Переполох в Кабинете Министров, ссылка Хуай Эня в Нанкин и загадочное молчание императора вызывали у всех тревогу, хоть в открытую об этом никто и не говорил. Если бы им удалось заранее раздобыть хоть какую-то информацию из Дворца, они бы сумели подготовиться к резкой перемене погоды.

А потому, услышав этот вопрос, все как один обратили свои взоры к Хэ Сюаню.

— Я уже давно не виделся со старейшиной Таном, – с улыбкой покачал головой тот. – К тому же, даже если бы мы и встретились, он бы не стал рассказывать мне о чем-то настолько важном, разве нет?

Присутствующие решили, что в словах его есть доля правды. Разве можно о подобном распространяться? Однако позиция Тан Фаня по данному вопросу была ясна: судя по тому, что с Вань Туном они были на ножах, старейшина Тан, скорее всего, был на стороне наследного принца, как двое других старейшин: Лю Цзянь и Сюй Пу.

Все присутствующие выросли на книгах мудрецов и знали, что принц по праву занимает свое место и соответствует всем требованиям, предъявляемым к наследнику престола. Сердца большинства склонялись на сторону наследного принца, но говорить об этом прямо никто не решался, боясь власти фракции Ваней.

Тан Фань выступал за справедливость, и, стоило только новости о неудаче фракции Ваней распространиться, как многие одобрительно ему зааплодировали. Тан Фань сказал то, что все сказать боялись, и сделал то, что они не смели. Подобной смелости и отваги было достаточно, чтобы вызвать всеобщее восхищение.

И все же, стоило Хэ Сюаню произнести эти слова, как сбоку от него кто-то холодно фыркнул:

— Такие люди, как Тан Фань, что гонятся за одной лишь славой, ни за что не посмеют говорить о небесных знамениях!

Кто был этим гением, что посмел ляпнуть подобную чушь, зная, что сюда придет Тан Фань?

Присутствующие оглянулись на голос и сразу все поняли.

Гением этим оказался Сюй Бан, возглавлявший отдел провинции Чжэцзян. Он был сторонником фракции Ваней, а потому всячески Тан Фаня недолюбливал.

Присутствующие не желали с ним связываться, но вот Хэ Сюань смолчать не смог. Подняв брови, он спросил:

— Ради какой-такой славы? Старший чиновник Сюй, прошу, объяснитесь!

— Все давно знают о том, что произошло в тот день в Кабинете, – покосился на него Сюй Бан. – Если он действительно так радуется за справедливость, то почему в открытую не выступил в защиту наследного принца, а лишь кричал о правилах, согласно которым посторонним нельзя входить в павильон Вэньюань? Что это, если не погоня за славой?!

На самом деле, Тан Фань поступил умно. В тот раз Вань Тун ничего не говорил о свержении наследного принца, так что если бы Тан Фань упомянул его, то лишь спровоцировал бы лишние споры и дал повод для ненужных сплетен.

Однако из уст Сюй Бана это прозвучало так, словно Тан Фань был злодеем, жаждущим лишь славы и популярности.

— Раз старший чиновник Сюй так радуется за справедливость, то, может, в следующий раз, как кто-то выступит против наследного принца, выскажется в его защиту? – усмехнулся Хэ Сюань.

— Как чиновники Великой Мин, мы должны быть преданы Его Величеству, – не уступал Сюй Бан. – Принц всего лишь наследник, трон ему не принадлежит!

— Тогда что такого сказал старейшина Тан? Они с командующим Ванем поссорились из-за законов Двора. При чем тут вообще Его Высочество наследный принц?

Вторя своему старшему брату, в свое время доводившему их отца, Хэ Сюань сделал презрительное лицо, на котором читалось: “Чего с идиотами разговаривать?” – чем невероятно разозлил Сюй Бана.

Но, прежде чем тот успел что-либо ответить, дверь в комнату открылась и в нее вошли министр Пэн Ичунь, его помощники и Тан Фань.

Все поднялись и вежливо поприветствовали вошедших. На этом спор Сюй Бана с Хэ Сюанем и закончился.

На самом деле, Сюй Бан осмеливался говорить о чем-то подобном лишь за спиной Тан Фаня. Стоя перед ним, он был вынужден поклониться, почтительно сложив руки, как и остальные.

Тан Фань и иже с ним понятия не имели о том, что до их прихода в комнате успел разгореться спор. Заметив, что атмосфера какая-то напряженная, Тан Фань решил, что всем немного не по себе из-за его появления, и пошутил:

— Сегодня министр Пэн угощает, так что не скромничайте, заказывайте все хорошие блюда и вина, какие захотите, чтобы не пожалеть потом о своей нерешительности!

Услышав эти слова, все присутствующие разразились смехом.

— Господин, оставьте мне немного денег, а иначе буду обречен питаться одним лишь холодным зимним ветром до конца месяца! – отпустил в ответ шутку Пэн Ичунь.

— Не бойся, – рассмеялся Тан Фань. – Зима уже подходит к концу, так что питаться ты будешь легким весенним бризом!

Так благодаря шуткам атмосфера постепенно оживилась. Все подняли свои чаши и один за другим поздравляли Пэн Ичуня с повышением. О сидящем подле него Тан Фане тоже не забыли, поскольку он был одним из героев торжества.

После трех чаш начали подавать блюда. Министр Пэн был щедрым человеком. Зная, что его подчиненные – лишь бедные столичные чиновники, он заказал очень много блюд. Мастерство поваров ресторана Сянкэ было на высоте, так что каждое блюдо приготовили необычайно изысканно. Видя, что двое министров переговариваются друг с другом вполголоса, гости перестали их беспокоить и принялись за угощения.

То, что Тан Фань посетил это мероприятие, уже было честью для Пэн Ичуня. Ему не обязательно было оставаться до конца праздника. Если бы остался, остальные гости чувствовали бы себя некомфортно, так что после нескольких чаш вина Тан Фань поднялся и попрощался со всеми. Пэн Ичунь проводил его до дверей комнаты и хотел было довести до выхода из ресторана, но Тан Фань отказался.

Ресторан Сянкэ был очень известен в столице. Приглашать сюда гостей было модно и престижно, хоть с недоступным павильоном Сяньюй, что располагался с обратной стороны здания, он не шел ни в какое сравнение. Уже начали гореть фонари, внутри и снаружи царило оживление.

Комнаты располагались на втором этаже. Звукоизоляция была отменной, так что как бы шумно ни было снаружи, внутрь долетали лишь приглушенные слабые звуки, не способные потревожить клиентов.

Тан Фань частенько приходил сюда и знал дорогу, так что не стал звать служащего, чтобы тот проводил его, и, выйдя из комнаты, направился в сторону лестницы.

Стоило ему сделать пару шагов, как дверь из соседней комнаты отворилась. Изнутри раздался смех.

Не успел Тан Фань нахмуриться, как лицо его обдул ароматный ветерок.

А затем в глазах зарябило, и плечо с силой ударилось о что-то.

С трудом удержав равновесие, Тан Фань отступил на несколько шагов и остановился лишь, налетев спиной на балюстраду. В руках его оказался человек.

— Большое спасибо за помощь, молодой господин. Может ли эта покорная раба попросить молодого господина об услуге?

Женщина в его руках говорила кокетливо, подняв к нему свое белое, как нефрит, лицо и трогательно сведя накрашенные брови, напоминавшие две далеких горы.

Кожа коснулась кожи. Рука, которую держал Тан Фань, была нежной и тонкой, а от платья исходил теплый слабый аромат, способный смягчить сердце любого нормального мужчины.

Тан Фань, вне всякого сомнения, был нормальным мужчиной, однако по сравнению с несравненной красавицей Сяо У, женщина перед ним была не более чем посредственностью.

Он хотел было отпустить ее, но та протянула руку и схватила его за рукав, с мольбой заглядывая в глаза.

Волосы на висках женщины были растрепаны, а губы покраснели и опухли – не трудно догадаться, что с ней только что приключилось в соседней комнате.

Тан Фань все же одернул руку:

— Барышня...

Он хотел было сказать: “Мужчинам и женщинам следует держаться друг от друга на расстоянии”, – но не успел, поскольку из комнаты вышло еще два человека:

— Ты, дешевка! На секунду отлучилась и уже другого мужчину соблазнила?!

Услышав этот голос, девушка задрожала и в отчаянии спряталась за Тан Фаня, крепко обняв его за пояс так, что не оторвать.

— Молодой господин, спаси меня... Молодой господин, спаси меня... – дрожащим голосом попросила она.

Увидев это, мужчина разозлился еще пуще и, ткнув в Тан Фаня пальцем, закричал:

— Ты, со смазливой мордашкой, смеешь уводить мою женщину у меня на глазах?! Жить надоело?!

Тан Фань нахмурился и крикнул:

— Отпусти!

Обращался он к женщине.

Та, очевидно, не ожидала, что Тан Фань окажется настолько невнимательным к прекрасной девушке, и так испугалась, что разжала руки, чем Тан Фань немедленно и воспользовался, оттолкнув ее. Однако незнакомка быстро опомнилась и, бросившись вперед, крепко ухватила

его за ногу, печально всхлипывая:

— Молодой господин, ты же только что сказал, что поможешь мне! Так почему теперь отказываешься от своих слов?!

— ...

Тан Фань на мгновение лишился дара речи, а затем обратился к вышедшему из комнаты молодому человеку:

— Видишь? Это она ко мне прицепилась. Я просто мимо проходил.

Услышав эти слова, тот сердито ухмыльнулся:

— Если вы не знали друг друга, то почему она обратилась за помощью именно к тебе? И ты заявляешь, что не распутник?!

Своими громкими криками он привлек внимание множества людей, которые выглянули из своих комнат, чтобы узнать, что случилось.

Из комнаты Пэн Ичуня тоже вышло несколько человек. Увидев Тан Фаня, они очень удивились и поспешили обратно, чтобы рассказать остальным. Вскоре в коридор со своими гостями вышел и Пэн Ичунь.

— Разве это не сын старейшины Иня? – узнал кто-то молодого человека.

Услышав, что перед ними сын Инь Чжи, все поняли, в чем дело.

Этот молодой господин Инь был обычным столичным повесой. В столице богатеньких повес было хоть отбавляй, однако молодой господин Инь прославился не только тем, что являлся сыном Инь Чжи, но и тем, что любил поразвлечься.

От переулков куртизанок столицы до ресторанов и игорных домов – молодой господин Инь успел засветиться везде. В каком-то смысле он был даже известнее своего отца.

Очевидно, что и на этот раз молодой господин Инь развлекался со своими дружками в ресторане Сянкэ, когда оказался прерван в середине процесса.

Все устремили свои взгляды на Инь Ци, затем на Тан Фаня, а после перевели их на стоявшую за Тан Фанем женщину. Понять, что произошло, было затруднительно.

Девушка эта была довольно хороша собой, но старейшина Тан ведь не мог быть настолько жадным до женского внимания, чтобы ссориться из-за нее с кем-то в подобном месте?

Тан Фань прекратил попытки оторвать ее от себя. Если бы применил слишком много силы, та бы попросту стянула с него штаны. Это был бы позор.

Величественный старейшина Тан, обнаженный в ресторане женщиной на глазах у десятков людей – эта сцена могла бы войти в учебники по истории и рассмешить не одно поколение.

Заметив это, Пэн Ичунь строго произнес:

— Молодой господин Инь, это министр Кабинета, коллега твоего отца. Старейшина Тан здесь по моему приглашению!

Он бы ни за что не поверил, что Тан Фань вышел из комнаты только для того, чтобы отбить женщину у Инь Ци.

Однако, если о произошедшем станет известно в официальных кругах, никто не станет вникать в детали, лишь решат, что Тан Фань оказался застукан за непристойным поведением. А если об этом прознают цензоры, им даже доказательства не понадобятся, чтобы шум поднять и подпортить Тан Фаню репутацию.

Инь Ци, ко всеобщему удивлению, было абсолютно наплевать на его слова.

— А ты кто такой? – спросил он, задрал нос.

— Я глава Министерства Наказаний Пэн Ичунь! – поборов гнев, ответил Пэн Ичунь.

— И что?! – фыркнул Инь Ци. – Высокий статус позволяет отбивать чужую женщину?

Пэн Ичунь едва сдержался, чтобы не скривиться от гнева. Что?! Отбивать женщину?! Кто тут отбивает женщину?! Да это же настоящая клевета! Что за чушь?!

— Эй, ты, по фамилии Тан! – Инь Ци вновь повернулся к Тан Фаню с холодной ухмылкой на губах. – Вот что я тебе скажу: лучше верни мою женщину по-хорошему, а иначе все вокруг узнают, что величественный старейшина Тан отбил в ресторане чужую женщину! Посмотрим, как ты тогда запоешь!

На месте Инь Ци, чей отец был членом Кабинета Министров, пусть и занимающим более высокое положение, чем Тан Фань, далеко не многие не испытали бы перед Тан Фанем благоговейного трепета и осмелились говорить с ним таким тоном.

На шум собралась толпа зевак. Даже посетители с первого этажа не поленились подняться по лестнице, чтобы узнать, в чем дело.

Женщина продолжала держать Тан Фаня за ногу. Не знавшие всей правды люди уже напридумывали всевозможные истории о ссоре на почве ревности, особенно после того, как узнали о том, кем был Тан Фань. И чем дальше, тем более возмутительными эти истории сделаются. Завтра вообще могут поползти сплетни о том, что у Тан Фаня с этой женщиной есть незаконнорожденный ребенок.

А если слухи станут особенно скандальными, цензоры выдвинут против Тан Фаня обвинения и тому по всем правилам придется подать в отставку.

В этом мире не было второго такого Хлопкового Лю, который продолжал работать, засыпанный обвинениями цензоров. Маловероятно, чтобы скромный благородный муж, вроде Тан Фаня, решился на такую дерзость.

Хоть Тан Фань и занимал самое низкое положение в Кабинете, о том, что тот в открытую упрекнул Вань Туна, было известно в каждом уголке столицы. Без него бороться с фракцией Ваней будет просто некому, и силы фракции наследного принца значительно ослабнут.

Хуай Эня, вон, уже понизили и выслали из столицы – если еще и Тан Фань уйдет, кто встанет на пути у Ваней?

Стоило Пэн Ичуню подумать об этом, как его сердце пропустило удар.

И он не надумывал: Инь Ци был сыном Инь Чжи, а тот, в свою очередь, был оплотом фракции Ваней. Кто бы не заметил связи между этим фактом и тем, что Тан Фань с фракцией Ваней в последнее время были непримиримыми врагами?

Тан Фань думал о том же, о чем и Пэн Ичунь.

А потому не стал оттаскивать от себя женщину. Он даже взглядом ее не удостоил, сосредоточив свое внимание исключительно на Инь Ци.

Инь Ци блефовал, а взгляд Тан Фаня заставлял его чувствовать себя виноватым.

— Чего уставился?! – с напускной бравадой спросил он. – Будешь и дальше все отрицать?! Вот что я тебе скажу: я законопослушный гражданин! Даже не смей запугивать меня своей должностью министра Кабинета!

Слова эти и свинью бы рассмешили. Если молодой господин Инь был “законопослушным”, то в Поднебесной все граждане как один были добропорядочными!

Тот намеренно выделил слова “министр Кабинета”, чтобы все знали, кем был Тан Фань, и подлили масла в огонь, еще больше подпортив Тан Фаню репутацию.

Пэн Ичунь чувствовал себя несколько виноватым, ведь это он пригласил сюда Тан Фаня. Если бы сумел настоять на своем и проводил его до выхода, подобного бы не произошло.

Он забыл, что враг специально пытался подставить Тан Фаня. Тот столкнулся бы с подобным вне зависимости от того, есть кто-то подле него или нет.

Пэн Ичунь уж собирался выступить вперед и попытаться разрешить ситуацию, когда Тан Фань вдруг произнес:

— Ты прав. Я действительно пришел сюда из-за этой женщины.

Это признание?

Все в удивлении уставились на Тан Фаня, полагая, что тот потерял самообладание от гнева и решил, что терять уже нечего.

Инь Ци тоже оторопел, а затем громко расхохотался:

— Так ты признаешься? Достойный министр Кабинета, уважаемый старейшина прибежал в ресторан, чтобы отбить чужую женщину! Осмелюсь спросить, и это свет чиновничества нашей Великой Мин?! Как может Двор процветать, когда в нем заседают такие люди, как ты?!

Послесловие автора:

Угадайте, как господин Тан собирается выйти из данной ситуации?

В этом томе будет еще много чего происходить, но все эти сюжеты связаны между собой. Расследование еще не началось, однако автор изо всех сил старается сделать повествование максимально компактным. Одна волна ушла – пришла вторая. Разве не крутой замес? (*^__^*)

Примечания переводчика:

* - 抱大腿 – «обнимать большую ногу», в переносном смысле означает цепляться к богатым/сильным/успешным людям, чтобы получить какие-то преимущества. 大腿 еще может означать бедро, но в данном случае это именно «большая нога», нога «большого человека».

К-компактность...

“Старейшина Тан был явно не из тех людей, кто пользуется своим положением ради мести или смешивает личные обиды с работой”, - о да, зато он подкупает своих недородственников должностями)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3401294>